

ЗИГМУНД ФРЕЙД

*ПСИХОЛОГИЯ МАСС
И АНАЛИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО «Я»*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

Психология масс и анализ человеческого «я»

I

ВВЕДЕНИЕ

Разница между индивидуальной психологией и психологией социальной (психологией масс), представляющаяся, на первый взгляд, весьма значительной, при внимательном рассмотрении оказывается вовсе не такой уж существенной. Индивидуальная психология выводит свои заключения из наблюдений над отдельным человеком и исследует, каким образом данный человек стремится удовлетворить свои влечения, но надо отдавать себе отчет в том, что лишь в исключительно редких случаях и лишь при определенных условиях можно в этих исследованиях отвлечься от отношений исследуемого человека к другим индивидам. В душевной жизни индивида другой — и это правило — выступает в роли образца, объекта, помощника или противника, и, следовательно, индивидуальная психология изначально является, одновременно, и социальной психологией — в таком расширительном, но вполне оправданном толковании.

Отношение индивида к родителям, братьям и сестрам, к предмету любви, к врачу, а также все отношения, каковые до сих пор были предметом психоаналитического исследования, могут претендовать на трактовку их как социальных феноменов и быть, таким образом, противопоставлены другим феноменам, которые мы можем назвать нарциссическими, то есть феноменами, при которых удовлетворение влечений ускользает от влияния других людей или протекает без взаимодействия с ними. Противоположность между социальными и нарциссическими — Блейлер, вероятно, назвал бы их «аутистическими» — психическими актами находится, следовательно, внутри области индивидуальной психологии и не может быть использована для того, чтобы отграничить ее от социальной психологии (или от психологии масс).

В упомянутых отношениях к родителям, братьям и сестрам, к возлюбленным, друзьям и врачу индивид всегда испытывает влияние очень ограниченного числа лиц, из которых каждое имеет для него огромное значение. В настоящее время принято, говоря о социальной психологии или психологии масс, отвлекаться от этих отношений и выделять в качестве предмета исследования одновременное влияние на индивида большого числа лиц, с которыми он связан в каком-то одном отношении, в то время как во многих других отношениях они остаются ему

чуждыми. Социальная психология, или психология масс, занимается, таким образом, отдельным человеком как членом племени, народа, касты, сословия, учреждения или как составной части человеческой толпы, возникшей и организованной в известное время для достижения какой-то конкретной цели. После того, как эта естественная связь разрывалась, было логично рассматривать возникающие в этих особых условиях явления как выражение особого, не сводимого к более простым формам влечения, социального влечения — herd instinct, group mind (стадного инстинкта, группового разума [англ.]), — которые не возникают в других условиях. Против этого можно возразить, что трудно представить себе, будто сама по себе численность может иметь такое большое значение, что она может сама по себе пробудить в человеческой душе новое, дремавшее до той поры влечение. Мы обратим внимание на две другие возможности: социальное влечение не является первичным, элементарным или неразложимым, и начало его формирования находится в пределах более тесного круга, например в семье.

Психология масс находится пока в самом зачаточном состоянии и обнимает необозримое множество отдельных, частных проблем и ставит перед исследователем бесчисленные задачи, которые до сих пор даже отчетливо не сформулированы. Одна только классификация различных

форм организации масс и описание присущих им психических феноменов требуют огромного числа наблюдений и их обобщения и представления, каковые содержатся в достаточно богатой литературе по этому вопросу. Если сравнить скромный объем данной книжки с огромным объемом литературы, посвященной психологии масс, то нетрудно понять, что в ней будут рассмотрены лишь немногие разделы всего материала. В самом деле, здесь будут рассмотрены лишь те вопросы, которые могут вызвать особый интерес у психоаналитика и заставить его углубленно их исследовать.

II

ДУША МАСС В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЛЕБОНА*

Мне представляется разумным и более целесообразным не давать определение души масс, а начать с указания на область ее проявления и извлечь из нее наиболее заметные и характерные факты, с которых и можно будет начать исследование. Мы достигнем обеих целей, если воспользуемся отрывками из пользующейся заслуженной известностью книги Гюстава Лебона «Психология народов и масс».

* У Лебона в книге используется термин «душа толпы». — *Примеч. ред.*

Еще раз уясним себе суть дела: если психология, целью которой является изучение склонностей, влечений, мотивов, взглядов индивида, объясняющих его действия и отношение к своему ближайшему окружению, до конца решит эту задачу и сумеет объяснить все эти взаимоотношения и взаимозависимости, то она неизбежно столкнется с новой, неразрешенной проблемой. Психологии придется объяснить поразительный факт: ставший понятным ей индивид, оказавшись в определенных условиях, начинает абсолютно по-иному чувствовать, мыслить и действовать, то есть вести себя не так, как мы от него ожидаем, и этим условием является присоединение индивида к человеческой толпе, обладающей свойствами некой «психологической массы». Но что представляет собой эта «масса», каким образом приобретает она способность так кардинально и решительно влиять на душевную жизнь индивида и в чем заключаются психические изменения, каковые она навязывает индивиду?

Для того, чтобы ответить на эти три вопроса, надо привлечь к их решению данные теоретической психологии. Лучше всего начать с попытки ответа на третий вопрос. Наблюдение измененной реакции индивида предоставляет нам материал для изучения психологии масс; каждой попытке объяснения какого-то феномена должно быть предпослано описание того, что подлежит объяснению.

Предоставим слово самому Лебону. Он пишет (стр. 165*): «Самый поразительный факт, наблюдающийся в одухотворенной толпе, следующий: каковы бы ни были индивиды, составляющие ее, каков бы ни был их образ жизни, занятия, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющий их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, чувствовал и действовал каждый из них в отдельности. Существуют такие идеи и чувства, которые возникают и превращаются в действия лишь у индивидов, составляющих толпу. Одухотворенная толпа представляет временный организм, образовавшийся из разнородных элементов, на одно мгновение соединившихся вместе, подобно тому, как соединяются клетки, входящие в состав живого тела и образующие путем этого соединения новое существо, обладающее свойствами, отличающимися от тех, которыми обладает каждая клетка в отдельности».

Мы позволим себе прервать изложение Лебона и сделаем одно важное, на наш взгляд, замечание: если отдельные индивиды в массе объединяются в некоторое единое целое, то должно существовать нечто, что их соединяет, и этим связующим материалом как раз и может быть то,

* Здесь и далее цитируется по изданию: *Лебон Г.* «Психология народов и масс». Москва: Издательство «АСТ», 2016.

что характерно для массы. Лебон, однако, не отвечает на этот вопрос. Он старается разобраться с изменениями индивида в массе и описывает это изменение выражениями, хорошо согласующимися с фундаментальными предпосылками глубинной психологии.

(Стр. 163). «Нетрудно заметить, насколько изолированный индивид отличается от индивида в толпе, но гораздо труднее определить причины этой разницы. Для того чтобы хоть несколько разъяснить себе эти причины, мы должны вспомнить одно из положений современной психологии, а именно: что явления бессознательного играют выдающуюся роль не только в органической жизни, но и в отправлениях ума. Сознательная жизнь ума составляет лишь очень малую часть по сравнению с его бессознательной жизнью. Самый тонкий аналитик, самый проницательный наблюдатель в состоянии подметить лишь очень небольшое число бессознательных двигателей, которым он повинуетя. Наши сознательные поступки вытекают из субстрата бессознательного, создаваемого в особенности влияниями наследственности. В этом субстрате заключаются бесчисленные наследственные остатки, составляющие собственно душу расы. Кроме открыто признаваемых нами причин, руководящих нашими действиями, существуют еще тайные причины, в которых мы не признаемся,

но за этими тайными есть еще более тайные, потому что они неизвестны нам самим. Большинство наших ежедневных действий вызывается скрытыми двигателями, ускользающими от нашего наблюдения».

В массе, считает Лебон, исчезают индивидуальные достижения отдельно взятого человека, а следовательно, исчезает и его самобытная оригинальность. На передний план выступает расовое бессознательное, разнородное утопает в однородной массе. Мы можем, таким образом, утверждать, что психологическая надстройка, каковая столь своеобразно развивается у каждого индивида, разрушается и исчезает, и при этом обнажается одинаковый у всех членов массы бессознательный фундамент.

Таким образом мог бы осуществиться усредненный характер человека толпы. Правда, Лебон утверждает, что у людей, составляющих массу, проявляются новые качества, каковыми они до объединения в массу не обладали. Это утверждение Лебон обосновывает тремя главными аргументами.

(Стр. 165). «Первая из этих причин заключается в том, что индивид в толпе приобретает благодаря только численности сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаться таким инстинктам, которым он ни-

когда не дает волю, когда он бывает один. В толпе же он тем менее склонен обуздывать эти инстинкты, что толпа анонимна и потому не несет на себе ответственности. Чувство ответственности, сдерживающее всегда отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе».

С нашей точки зрения, однако, не следует придавать столь большое значение появлению новых качеств. Будет достаточно сказать, что в массе индивид попадает в такие условия, которые позволяют ему отбросить прочь вытеснение его бессознательных влечений. Эти якобы новые свойства, проявленные индивидом, суть всего лишь отражение бессознательного, в котором таится все зло человеческой души; легко понять происходящее в таких условиях исчезновение совести или чувства ответственности. Мы уже давно придерживаемся того взгляда, что ядром так называемой совести необходимо является «социальный страх».

Известные отличия взглядов Лебона от наших взглядов заключаются в том, что его понимание бессознательного не совпадает с пониманием бессознательного в психоанализе. Бессознательное Лебона прежде всего содержит глубочайшие отличительные признаки расовой души, которую психоанализ, собственно говоря, исключает из рассмотрения. Мы, однако, признаем, что ядро человеческого «я», которо-

му принадлежит «архаическое наследие» человеческой души, является бессознательным, но при этом мы выделяем «вытесненное бессознательное», каковое является производным некоторой части этого наследия. Понятие вытесненного отсутствует у Лебона.

(Стр. 165). «Вторая причина — заразительность, или зараза, также способствует образованию в толпе специальных свойств и определяет их направление. Зараза представляет такое явление, которое легко указать, но не объяснить; ее надо причислить к разряду гипнотических явлений, к которым мы сейчас перейдем. В толпе всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу коллективному. Подобное поведение, однако, противоречит человеческой природе, и поэтому человек способен на него лишь тогда, когда он составляет частицу толпы».

Эта последняя фраза позднее послужит нам основанием для одного важного предположения.

(Стр. 165). «Третья причина, и притом самая важная, обуславливающая появление у индивидов в толпе таких специальных свойств, которые могут не встречаться у них в изолированном положении, это — восприимчивость к внушению;

зараза, о которой мы только что говорили, служит лишь следствием этой восприимчивости. Чтобы понять это явление, следует припомнить некоторые новейшие открытия физиологии. Мы знаем теперь, что различными способами можно привести индивида в такое состояние, когда у него исчезает сознательная личность, и он подчиняется всем внушениям лица, заставившего его прийти в это состояние, совершая по его приказанию поступки, часто совершенно противоречащие его личному характеру и привычкам. Наблюдения же указывают, что индивид, пробыв несколько времени среди действующей толпы, под влиянием ли токов, исходящих от этой толпы, или каких-либо других причин, — неизвестно, приходит скоро в такое состояние, которое очень напоминает состояние загипнотизированного субъекта... Сознательная личность у загипнотизированного совершенно исчезает, так же, как воля и рассудок, и все чувства и мысли направляются волей гипнотизера.

Таково же приблизительно положение индивида, составляющего частицу одухотворенной толпы. Он уже не сознает своих поступков, и у него, как у загипнотизированного, одни способности исчезают, другие же доходят до крайней степени напряжения. Под влиянием внушения такой субъект будет совершать известные действия с неудержимой стремительностью, в толпе же эта неудержимая стремительность проявляет-

ся с еще большей силой, так как влияние внушения, одинакового для всех, увеличивается путем взаимности».

(Стр. 166). «Итак, исчезновение сознательной личности, преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действие внушенные идеи — вот главные черты, характеризующие индивида в толпе. Он уже перестает быть сам собою и становится автоматом, у которого своей воли не существует».

Я привел такую подробную и обширную цитату для того, чтобы подтвердить, что Лебон действительно считает состояние индивида в толпе гипнотическим, а не просто похожим на гипнотическое. Мы не видим в этом никакого противоречия, но хотим лишь подчеркнуть, что две последние причины изменения поведения индивида в толпе — зараза и высокая внушаемость — не тождественны друг другу, так как зараза является следствием внушаемости, а не наоборот. Представляется, что влияние обоих моментов в тексте Лебона отчетливо не разграничено. Может быть, наше истолкование его мнения будет наилучшим, если мы объясним заразу взаимным гипнотическим влиянием отдельных членов толпы друг на друга. В то же время явления внушения в толпе, возникающие одновременно с феноменами гипнотического влия-

ния, указывают на иной, внешний по отношению к толпе источник. Что же это за источник? У нас должно возникнуть ощущение неполноты, оттого что одна из главных составных частей этого уравнения, а именно человек, играющий в глазах толпы роль гипнотизера, в тексте Лебона не упоминается вовсе. Тем не менее, он отличается от этого остающегося во мраке околдовывающего влияния некое заразительное действие, каковое оказывают друг на друга составляющие толпу индивиды, и это действие усиливает первоначальную суггестию.

Вот, однако, еще один пункт, важный для суждения об индивиде, составляющем часть толпы:

(Стр. 167). «Таким образом, становясь частицей организованной толпы, человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. В изолированном положении он, быть может, был бы культурным человеком; в толпе — это варвар, т.е. существо инстинктивное. У него обнаруживается склонность к произволу, буйству, свирепости, но также и к энтузиазму и героизму, свойственным первобытному человеку».

Лебон в особенности подчеркивает снижение интеллектуальных способностей, характерное для человека, присоединившегося к толпе*.

* Ср. «Каждый отдельно взятый сносно умен и понятлив; В полном составе они: тотчас пред вами глупец». (Ф. Шиллер).